

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И СУДОПРОИЗВОДСТВО

СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ РОССИНСКИЙ

Институт государства и права Российской академии наук.
119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
E-mail: igpran@igpran.ru
SPIN-код: 8295-9884

DOI: 10.35427/2073-4522-2026-21-1-rossinskiy

ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ОПЕРАЦИЙ С ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ КАК МЕРА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению новационной для российско-го уголовного судопроизводства меры принуждения, состоящей в приостановлении операций с денежными средствами, в том числе электронными денежными средствами и денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи. А ее актуальность обусловлена теоретической непроработанностью указанных вопросов.

Исследуются причины, побудившие законодателя к легализации приостановления операций с денежными средствами. Они связываются с потребностью в более эффективном противодействии преступным посягательствам, совершаемым с помощью информационно-телекоммуникационных технологий. В связи с чем появление данного правоограничительного механизма, позволяющего органам предварительного расследования оперативно, не согласовывая свои намерения с судами, накладывать кратковременные моратории на некоторые расходные банковские операции, оценивается как необходимый и весьма своевременный правотворческий шаг.

Одновременно выявляются недостатки нормативной регламентации приостановления операций с денежными средствами. Прежде всего, они усматриваются в «тяжеловесности», многословности, замысловатости не предрасположенных к правильному толкованию законодательных формулировок. В частности, обращается внимание на ошибки, состоящие в периодическом искажении семантики категорий «электронные денежные средства» и «денежные средства, вносимые в качестве аванса за услуги связи». Кроме того, говорится о сведении ряда внесенных в закон дополнений не столько к нормативному выражению уголовно-процессуальной формы, сколько к технической и технологической стандартизации следственной и дознавательской практики, т.е. к очередным правилам уголовно-процессуального делопроизводства и документооборота.

Наряду с этим рассматриваются и более серьезные просчеты, присущие нормативной регламентации приостановления операций с денежными средствами. Они видятся в избыточном обременении порядка принятия соответствующих решений необходимостью вынесения подробных постановлений и их согласования с руководителями следственных органов либо прокурорами. Отмечается о несоответствии подобных требований подлинному предназначению данного правоограничительного механизма, состоящему в экстренном и безотлагательном блокировании «подозрительных» финансовых активов, в максимально поспешном пресечении возможностей их перемещения в «серые» зоны, обналичивания или перевода в иные недостижимые для органов дознания и предварительного следствия места или формы.

В завершение высказываются пожелания об устранении выявленных в статье нормативных просчетов. В частности, говорится, что порядок принятия решения о приостановлении операции с денежными средствами надлежит уподобить порядку принятия решения о задержании подозреваемого – свести его к направлению в соответствующую организацию лаконичного требования о блокировке «подозрительных» финансовых активов с одновременным составлением протокола о приостановлении операций с денежными средствами.

Ключевые слова: арест денежных средств, задержание подозреваемого, меры уголовно-процессуального принуждения, наложение ареста на имущество, приостановление операций с денежными средствами, приостановление операций с электронными денежными средствами, приостановление операций с авансовыми платежами за услуги связи

SERGEY B. ROSSINSKIY

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences
10, Znamenka str., Moscow 119019, Russian Federation
E-mail: igpran@igpran.ru
SPIN- code: 8295-9884

SUSPENSION OF BANKING OPERATIONS AS A MEASURE OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCION

Abstract. This article examines a new coercive measure in Russian criminal procedure. It consists of suspending banking operations, including those involving electronic money and funds deposited as advance payments for communication services. The relevance of this article lies in the fact that these issues have not yet been theoretically developed.

The reasons that compelled legislators to legalize the suspension of banking operations are examined. These are related to the need to more effectively combat

crimes committed using information and telecommunications technologies. Therefore, the introduction of this coercive mechanism, which allows preliminary investigation bodies to promptly, without court approval, impose short-term moratoriums on certain debit banking operations, is considered a necessary and timely legislative step.

At the same time, the shortcomings of the regulatory framework governing the suspension of banking operations are identified. First and foremost, they find that the legislative language is cumbersome, verbose, and convoluted, defying proper interpretation. Specifically, they highlight errors involving the repeated distortion of the semantics of the categories “electronic money” and “money deposited as an advance payment for communication services.” Furthermore, they point out that a number of amendments to the law are not so much normative expressions of criminal procedure as technical and technological standards of investigative and police practice – that is, further rules for criminal procedure proceedings and document flow.

Furthermore, they examine more serious shortcomings inherent in the regulatory framework governing the suspension of banking operations. These shortcomings stem from the excessive burden placed on the relevant decision-making process by the need to issue detailed rulings and obtain their approval from the heads of investigative departments or prosecutors. It is noted that such requirements are inconsistent with the true purpose of this enforcement mechanism, which is to urgently and immediately block “suspicious” financial assets, to prevent them from being moved to suspicious areas, or transferred to cash in other locations or forms inaccessible to police and investigators, as quickly as possible.

In conclusion, suggestions are made to address the regulatory shortcomings identified in the article. In particular, it is stated that the decision-making process to suspend banking operations should be similar to the decision-making process to detain a suspect – reduced to sending a laconic request to the appropriate organization to block suspicious financial assets while simultaneously drawing up a protocol on the suspension of banking operations.

Keywords: seizure of funds, detention of a suspect, criminal procedural coercive measures, seizure of property, suspension of banking operations, suspension of electronic money operations, suspension of operations involving advance payments for communication services

1. Введение

В недавнем прошлом существующая совокупность мер уголовно-процессуального принуждения ожидаемо пополнилась еще одним правоограничительным механизмом – приостановлением операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи (далее – приостановление операций с денежными средствами). Соответствующие дополнения были внесены в Уголовно-процессуальный

кодекс РФ (далее – УПК РФ, Кодекс) 31 июля 2025 г.¹, а начало их действия пришлось на 1 сентября 2025 г.

Так, согласно ст. 115.2 УПК РФ органы предварительного расследования получили право, не прибегая к судебному санкционированию, накладывать кратковременные, не более чем десятисуточные моратории на проведение ряда расходных банковских операций, но лишь в пределах «подозрительных», предположительно полученных криминальным способом финансовых активов и только в целях дальнейшего решения вопроса о наложении на них ареста, т.е. без возможности их изъятия и передачи на хранение. Подобными расходными операциями стали признаваться списание безналичных денежных средств, снятие «наличности», уменьшение или увеличение остатков электронных денег, возврат авансовых взносов за услуги связи и т.д. А основаниями для их приостановления было предписано считать достаточные сведения, свидетельствующие об использовании соответствующих банковских счетов, вкладов, депозитов, виртуальных кошельков или абонентских аккаунтов (личных кабинетов) пользователей услугами связи для реализации преступных замыслов – в качестве эфемерных прецедентов (накопителей) для перевода денежных средств.

Конечно, ввиду столь незначительного срока, прошедшего с момента появления такой новации², судить об ее удачности или неудачности для удовлетворения насущных потребностей досудебной уголовной юстиции, в первую очередь для решения стоящих перед органами дознания и предварительного следствия задач, еще преждевременно. По крайней мере, получить какие-либо репрезентативные данные, позволяющие сформировать более или менее объективное представление о практике реализации полномочий по приостановлению операций с денежными средствами, пока еще нельзя. На сегодняшний день имеются лишь отрывочные, почерпнутые из неофициальных источников (преимущественно из частных бесед с практическими работниками) и весьма противоречивые вести: от фрагментарных сведений о достаточно успешных дебютных попытках распоряжения подобными возможностями до более

¹ Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 278-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4632.

² Настоящая статья готовилась в первой половине ноября 2025 г., т.е. спустя лишь два месяца после появления возможности приостановления операций с денежными средствами.

распространенной информации об отказах от их использования в силу целого ряда причин.

Вместе с тем, исходя из общего понимания российской системы уголовного судопроизводства в целом, нюансов, тонкостей и хитросплетений дознавательской и следственной деятельности в частности, некоторые оценки предусмотренного ст. 115.2 УПК РФ процессуального новшества и прогнозы о его потенциальной востребованности в правоприменительной практике все же вполне возможны. Им и посвящена настоящая статья.

2. Причины возникновения механизма приостановления операций с денежными средствами

А начать хотелось бы с констатации причин, побудивших законодателя к столь серьезному и в определенном смысле рискованному шагу — к легализации наложения кратковременных мораториев на банковские операции во внесудебном порядке. Такие причины четко усматриваются из содержания пояснительной записки к соответствующему законопроекту³. В документе прямо говорится об обусловленности данной правотворческой инициативы необходимостью более эффективного противодействия преступным посягательствам, совершаемым с помощью информационно-телекоммуникационных технологий. В этой связи обращается внимание на резкое увеличение и постоянную интенсификацию подобных криминальных деяний, главным образом дистанционных хищений, на их высокий «удельный вес» — до 1/3 от общего количества регистрируемых преступлений. Кроме того, указывается на исходящую от них угрозу правам личности и национальной безопасности, на масштабность причиняемого государству, коммерческим организациям и гражданам вреда, исчисляемого в многомиллиардных суммах.

Ввиду изложенного заявляется о потребностях в совершенствовании условий и порядка расследования таких преступлений, в том числе в сокращении сроков получения информации о денежных переводах от кредитных организаций и операторов связи, в появлении более продуктивных процедур, способствующих фиксации предрасположенных к быстрым изменениям IP-адресов, номеров сотовой связи

³ См.: Пояснительная записка к законопроекту № 908825-8 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/908825-8> (дата обращения: 06.11.25).

и номерных емкостей IP-телефонии, в пополнении арсенала органов дознания и предварительного следствия механизмами оперативного пресечения «подозрительных» транзакций в целях блокировки денежных средств и обеспечения возможности возмещения потерпевшим причиняемого ущерба. Одновременно напоминает о близких по характеру полномочиях, уже предоставленных ряду органов исполнительной власти (например, ФНС России, ФССП России, Росфинмониторингу) и позволяющих решать схожие задачи — приостанавливать без судебных решений банковские операции и т.п. — в иных сферах публично-правового регулирования. Более того, не забывается и о собственных полномочиях кредитных организаций, направленных на превентивное блокирование «подозрительных» операций без согласия соответствующих клиентов. И в результате заявляется о необходимости внесения ряда предусмотренных предлагаемым законопроектом поправок в УПК РФ, а также во взаимосвязанные с ним положения банковского законодательства и законодательства о связи.

Изложенные доводы и аргументы видятся совершенно разумными и справедливыми. Поэтому легализация правоограничительно-го механизма, позволяющего органам дознания и предварительного следствия оперативно, не согласовывая свои намерения с судами, накладывать кратковременные моратории на некоторые расходные банковские операции, является необходимой и весьма своевременной. Аналогичных взглядов придерживаются и некоторые другие ученые-процессуалисты, уже успевшие высказать суждения о данной правотворческой новации. В частности, А.А. Ендольцева считает появление предусмотренной ст. 115.2 УПК РФ меры уголовно-процессуального принуждения вполне оправданным шагом в борьбе с преступностью⁴. Схожее мнение высказывается и А.Р. Малагагамедовой⁵. И, таким образом, сами по себе замыслы законодателя, решившегося на введение в сферу уголовно-процессуального регулирования нового

⁴ См.: *Ендольцева А.А.* К вопросу о применении иной меры процессуального принуждения, предусмотренной статьей 115.2 УПК РФ // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Орел, 2025. С. 94.

⁵ См.: *Малагагамедова А.Р.* Приостановление финансовых операций как новая мера процессуального принуждения: к вопросу о пределах и гарантиях ст. 115.2 УПК РФ // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Орел, 2025. С. 172.

властного рычага — приостановления операций с денежными средствами, — представляются совершенно верными, обоснованными, обусловленными реальными нуждами уголовной юстиции, в связи с чем заслуживающими исключительно позитивной оценки и безоговорочной поддержки.

3. «Внешние» изъяны нормативной регламентации приостановления операций с денежными средствами

Однако о должной нормативной реализации подобных правотворческих замыслов говорить пока что не приходится! Напротив, положения ст. 115.2 УПК РФ, несмотря на «благие намерения» законодателя, невзирая на всю резонность предопределивших ее появление мотивов, видятся более чем неудачными, не способствующими ни надлежащему пониманию направляемых адресатам нормативных посылов, ни продуктивному использованию вроде бы как предоставленных органам предварительного расследования процессуально-пресекаТЕЛЬных возможностей.

Содержание указанных нововведений в очередной (в какой по счету?!) раз сводится к совокупности «тяжелых», многословных, достаточно замысловатых, в связи с чем не вполне предрасположенных к правильному толкованию, формулировок. Даже автору настоящей статьи пришлось изрядно «поломать голову» над нормативной дефиницией приостановления операций с денежными средствами и основаниями для применения данной меры принуждения. А по отдельным вопросам вообще понадобилось обращаться за советом и помощью к специалистам в сфере информационных технологий — в противном случае предпринятые попытки изложения смысла ст. 115.2 УПК РФ более или менее понятным языком были бы несколько самонадеянными. Но такие усилия оказались не напрасными! Вдобавок появилось четкое осознание ряда возникших по вине разработчиков соответствующего законопроекта «внешних», т.е. юридико-технических нормативных изъянов и шероховатостей.

И в первую очередь, стали хорошо заметны ошибки, состоящие в периодическом искажении семантики категорий «электронные денежные средства» и «денежные средства, вносимые в качестве аванса за услуги связи». А если выражаться точнее, пришло понимание совершенно неприемлемого дуализма в использовании этих категорий — употребления обоих словосочетаний в двух различных значениях: 1) в значении тождественного «традиционным» денежным

средствам предмета вводимых ограничений; 2) в значении объектов принудительного воздействия — неких уподобленных банковским счетам, вкладам, депозитам условных ячеек, предназначенных для получения и размещения соответствующих финансовых активов, а также распоряжения ими. Другими словами, возникла определенная терминологическая путаница — исходя из буквального толкования закона, электронными денежными средствами и денежными средствами, вносимыми в качестве аванса за услуги связи, стали считаться и сами не предполагающие материального воплощения платежные ресурсы, и места их хранения.

В этой связи остается лишь высказать пожелания о внесении в ст. 115.2 УПК РФ некоторых коррективов. Объектами принудительного воздействия со стороны органов предварительного расследования было бы правильнее считать не столько электронные деньги и авансовые взносы за услуги связи, сколько соответствующие виртуальные кошельки и абонентские аккаунты (личные кабинеты потребителей услуг связи) — именно они и являются теми самыми условными ячейками, которые могут использоваться в качестве эфемерных прецедентов (накопителей) для получения «подозрительных» финансовых активов; именно их и надлежит указывать в одном ряду с банковскими счетами, вкладами и депозитами. Тогда как сами «подозрительные» финансовые активы, в том числе электронные деньги и авансовые взносы за услуги связи, следует признавать предметом эфемерно вводимых ограничений. Кстати, не исключено, что в скором времени возникнет потребность в пополнении данного предмета еще одной разновидностью финансовых активов — цифровыми рублями, представляющими «традиционные» монеты и банкноты и монеты, но выпускаемыми и передаваемыми на цифровых носителях⁶.

Правда, все подобные пожелания вовсе не нужно воспринимать в качестве первостепенных, подлежащих безотлагательному исполнению, а их оставление без внимания считать непреодолимым препятствием для практической реализации дознавательских и следственных полномочий по приостановлению операций с денежными средствами. Ведь, невзирая на присущие ст. 115.2 УПК РФ терминологические несуразности, на предрасположенность некоторых формулировок к ненадлежащему толкованию, смысл вытекающих из нее законодательных посылов все-таки может сделаться более или менее понят-

⁶ См.: *Габов А.В.* Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 57.

ным, по крайней мере, после разработки и внедрения в правоприменительную практику соответствующих разъяснений, комментариев, методических рекомендаций. Современное уголовно-процессуальное законодательство вообще не отличается должной юридико-технической эстетикой — действующий Кодекс переполнен множеством других весьма замысловатых, не подлежащих моментальному усвоению нормативных положений, к счастью, не ставших серьезными препонами для продуктивной реализации заложенных в них замыслов.

Думается, что ко всем этим несуразностям следует относиться достаточно снисходительно, в определенном смысле даже философски — как к типичным продуктам постсоветского уголовно-процессуального правотворчества, зачастую обязанным своим возникновением кипучей энергии не вполне компетентных в вопросах законопроектной деятельности чиновников и прочих функционеров. По крайней мере, такой вывод напрашивается, исходя из свойственного целому ряду положений Кодекса сугубо бюрократического «почерка», в том числе стиля изложения правил приостановления операций с денежными средствами.

И в этой связи нельзя не обратить внимания на еще одно обстоятельство. Многие фрагменты ст. 115.2 УПК РФ в очередной раз сводятся не столько к требующему подлинно законодательного регулирования нормативному выражению «высокого» смысла уголовно-процессуальной формы, сколько к технической и технологической стандартизации следственно-дознательской практики. Другими словами, они являются типичными образчиками тех самых правил уголовно-процессуального делопроизводства и документооборота, тех самых чиновничьих инструкций и регламентов, тех самых «памяток» для безграмотных правоприменителей, о нежелательности включения которых в УПК РФ уже неоднократно говорилось в публикациях некоторых ученых⁷, в том числе и автора настоящей статьи⁸.

⁷ См.: *Победкин А.В.* Уголовно-процессуальный кодекс: форма живого права или «бездушная» инструкция // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3. С. 111; *Григорьев В.Н.* Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестник СПбГУ. Право. 2018. Т. 9. Вып. 1. С. 44.

⁸ См.: *Росинский С.Б.* УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42; *он же.* Уголовно-процессуальная форма VS правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 1. С. 131.

Так, например, в ч. 4 ст. 115.2 УПК РФ содержится подробное описание сведений, подлежащих изложению в постановлении о приостановлении операций с денежными средствами — предписывается указывать: обстоятельства, вызывающие потребность в использовании данного правоограничительного механизма; подлежащие превентивному блокированию денежные суммы; сроки вводимых мораториев на расходные банковские операции; данные, позволяющие идентифицировать объекты устанавливаемых ограничений, в том числе счета, вклады, депозиты либо их «владельцев». В ч. 5, 8, 11 ст. 115.2 УПК РФ разъясняются технические нюансы направления адресатам постановлений о приостановлении (об отмене приостановления) операций с денежными средствами, а также связанных с ними запросов; отдельно освещаются делопроизводственные правила использования электронных подписей и обеспечения конфиденциальности передаваемой информации и т.д.

Эти инструктивные требования, не имея ничего общего с «высоким» предназначением уголовно-процессуальной формы как воплощением юридических (не технических и технологических, а подлинно юридических!) гарантий доброкачественности предполагаемых результатов, явно непригодны к оказанию позитивного воздействия на соответствующие правоотношения. Наоборот, они способны привести (и скорее всего приведут!) к еще большему усилению бюрократизации правоприменительной практики, к появлению новых аргументов для неисполнения и оспаривания законности решений органов предварительного расследования по сугубо формальным основаниям, к очередным потребностям во внесении в УПК РФ текущих коррективов. И, таким образом, о поддержке данных требований тоже не может идти никакой речи. В лучшем случае включенные в Кодекс правила делопроизводства и документооборота заслуживают лишь нейтральных оценок, обусловленных осознанием их предопределенности все теми же деструктивными веяниями постсоветского уголовно-процессуального правотворчества.

4. «Внутренние» просчеты нормативной регламентации приостановления операций с денежными средствами

Вместе с тем нормативной регламентации приостановления операций с денежными средствами присущи и более опасные, как бы «внутренние» просчеты. Они усматриваются в изначально неверных представлениях разработчиков ст. 115.2 УПК РФ о порядке реализации

данных процессуально-пресекательных полномочий. Точнее говоря, эти просчеты состоят в избыточном обременении процедуры принятия следователем либо дознавателем решения о приостановлении операций с денежными средствами необходимостью вынесения соответствующего постановления и его согласования с руководителем следственного органа либо прокурором.

Казалось бы, чем могут быть чреваты столь известные, свойственные принятию множества других, в первую очередь ограничивающих права личности, процессуальных решений и хорошо апробированные на практике процедурные требования? Напротив, они вроде бы должны представляться достаточно надежными, эффективными и проверенными гарантиями правомерности и обоснованности реализации следственных и дознавательских полномочий. По всей вероятности, именно такие доводы и легли в основу установленного ст. 115.2 УПК РФ порядка принятия решений о приостановления операций с денежными средствами.

Однако подобные взгляды являются ошибочными, не учитывающими ни сущности данного правоограничительного механизма, ни его роли в решении стоящих перед уголовной юстицией задач, ни предопределивших его возникновение причин. Скорее всего, разработчики ст. 115.2 УПК РФ опрометчиво посчитали приостановление операций с денежными средствами не столько превентивной, подлежащей безотлагательному применению процессуально-пресекательной мерой, сколько неким прелиминарным этапом наложения ареста на «подозрительные» финансовые активы, позволяющим получить дополнительное время для должного обоснования указанной потребности перед судом, «неторопливой» подготовки предусмотренного законом ходатайства и подтверждающих его материалов. Такое предположение напрашивается, исходя из содержания все той же, упомянутой выше пояснительной записки к соответствующему законопроекту. В документе прямо говорится о затруднительности быстрого собирания достаточной для обоснования решения об аресте имущества (денежных средств) совокупности доказательств, в первую очередь сведений о принадлежности используемых для реализации преступных замыслов счетов, виртуальных кошельков и т.д. Поэтому приостановление операций с денежными средствами главным образом связывается с возможностью получения десятисуточной отсрочки, которую предлагается использовать для подготовки и направления в суд ходатайства о наложении ареста на «подозрительные» активы в порядке, предусмотренном ст. 165 УПК РФ. К слову, некоторые

авторы усмотрели в данной правотворческой инициативе не намерение пополнить арсенал органов предварительного расследования еще одной, самостоятельной мерой уголовно-процессуального принуждения, а лишь стремление к усилению эффективности наложения ареста на имущество⁹.

Подобные доводы действительно не лишены смысла хотя бы ввиду бесспорной, признаваемой подавляющим большинством специалистов¹⁰ надобности в особо тщательном исследовании обстоятельств, свидетельствующих о наличии либо отсутствии оснований для наложения ареста на имущество как принудительной меры, ограничивающей конституционное право собственности. Вместе с тем подлинное предназначение приостановления операций с денежными средствами все же видится в ином — в экстренном и безотлагательном блокировании «подозрительных» финансовых активов, в максимально поспешном пресечении возможностей их перемещения в «серые» зоны, обналичивания или перевода в иные недосыгаемые (малодосыгаемые) для органов дознания и предварительного следствия места или формы. Поэтому основную цель данного процессуально-пресекающего механизма надлежит усматривать не столько в предоставлении дополнительного времени для должного обоснования потребности в наложении ареста на предположительно полученные криминальным путем денежные средства и подготовки соответствующих документов для направления в суд, сколько в их превентивном удержании «при уголовном деле», в незамедлительном перекрытии каналов их вывода из потенциально подконтрольных государству банковских и тому подобных «хранилищ».

Именно так (а не иначе!) и могут пресекаться многие попытки дистанционных хищений и прочих совершаемых посредством информационно-телекоммуникационных технологий преступных деяний. По крайней мере, именно такой способ является наиболее эффективным для обеспечения сохранности незаконно изымаемых у населения денежных средств, следовательно, и возможности их дальнейшего возвращения, т.е. возмещения причиненного вреда

⁹ См.: *Афанасьев А.Б., Афанасьева С.И.* Приостановление и блокирование операций по банковским счетам в свете законодательной инициативы // Пермский юридический альманах. 2025. № 8. С. 307.

¹⁰ См., например: *Химичева О.В.* Наложение ареста на имущество: баланс частных и публичных интересов // Академическая мысль. 2019. № 4 (9). С. 64; *Тутынин И.Б.* Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера. М., 2022. С. 168 и др.

потерпевшим. Проще говоря, в случае получения первоначального «сигнала» о подобном преступлении сотрудникам органов дознания или предварительного следствия нельзя тратить буквально ни минуты (!) на проведение каких-либо предусмотренных ст. 144 УПК РФ проверочных действий, на решение вопросов о возбуждении уголовных дел, на подготовку и согласование с руководством (с прокурором) каких бы-то ни было постановлений. Вместо этого необходимо предпринимать экстренные и безотлагательные меры, направленные на как можно более скорое приостановление операций с денежными средствами, и только затем, после обеспечения их сохранности – приступить к выяснению обстоятельств случившегося и аресту всех либо части превентивно заблокированных финансовых активов. Думается, что лишь такие упреждающе-расторопные действия могут реально способствовать осуществлению «благих» намерений, побудивших законодателя к легализации наложения кратковременных мораториев на банковские операции во внесудебном порядке.

К слову, подобный подход к пониманию приостановления операций с денежными средствами заметно сближает его с другим известным правоограничительным механизмом – задержанием подозреваемого: обе меры подлежат применению во внесудебном порядке, обе рассчитаны на достаточно кратковременный эффект. И если приостановление операций с денежными средствами состоит во временном ограничении возможности пользоваться и распоряжаться безналичными финансовыми активами, на которые в дальнейшем может быть наложен арест, то задержание подозреваемого сводится к ограничению свободы человека в целях подтверждения или опровержения внезапно возникшей версии о его причастности к совершению определенного преступления с учетом дальнейшей перспективы избрания в отношении него меры пресечения арестантского характера (заключения под стражу или домашнего ареста)¹¹.

Такое сравнение представляется достаточно важным ввиду особой правовой природы задержания подозреваемого, несколько выходящего за рамки классических уголовно-процессуальных правоотношений. Ведь, как уже неоднократно отмечалось в публикациях автора

¹¹ См.: *Росинский С.Б.* Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения // *Российский следователь.* 2017. № 3. С. 19; *он же.* Цели и основания задержания подозреваемого: в чем причины существующих противоречий? // *Вестник Сибирского юридического института МВД России.* 2023. № 3 (32). С. 10 и др. работы автора.

настоящей статьи, невзирая на предпринимаемые в течение нескольких десятков лет правотворческие попытки превращения задержания подозреваемого в форму реализации уголовно-процессуальных, в том числе следственных и даже прокурорских, полномочий, оно по-прежнему сохранило черты и свойства превентивного полицейского приема (признаки средневекового института “in flagranti delicto”), главным образом способствующего недопущению возможности застигнутого «с поличным» человека скрыться и тем самым сильно осложнить работу, связанную с установлением обстоятельств произошедшего. Другими словами, основной смысл задержания подозреваемого, как и ранее, сводится к короткому, но достаточно меткому афоризму «держи вора» — этим подчеркивается первостепенность превентивно-пресекательного значения данной меры: не упустить предположительно виновника случившегося, обеспечить его эфемерное пребывание в распоряжении органа дознания или предварительного следствия и далее «спокойно» разбираться в деталях и тонкостях инцидента.

Вполне очевидно, что основной смысл приостановления операций с денежными средствами тоже надлежит связывать с решением схожих превентивно-пресекательных задач, способствующих перекрытию вывода безналичных финансовых активов из потенциально подконтрольных государству «хранилищ». Поэтому если бы положения ст. 115.2 УПК РФ включали несколько другие формулировки, то роль такой меры для уголовной юстиции в целом и правоприменительной практики органов предварительного расследования в частности вполне можно было выражать афоризмом «держи деньги», отражающим важнейшую особенность первоначального этапа досудебного производства по уголовным делам о дистанционных хищениях и прочих совершаемых посредством информационно-телекоммуникационных технологий преступных деяниях: не упустить похищенные денежные средства, обеспечить их сохранность в надежном месте и далее «спокойно» разбираться в обстоятельствах и деталях произошедшего, в том числе решать вопрос о наложении на них (денежные средства) ареста в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ.

Однако разработчики ст. 115.2 УПК РФ, по всей вероятности, так и не смогли осознать подобного и, как представляется, наиболее продуктивного предназначения приостановления операций с денежными средствами, оказались не способны оценить большой потенциал использования органами дознания и предварительного следствия соответствующих полномочий. В противном случае от них вряд ли можно было ожидать столь странных, явно диссонирующих

с реальными потребностями правоприменительной практики право творческих предложений. Напротив, скорее следовало рассчитывать на менее сложный порядок, принятия решения о приостановлении операций с денежными средствами, который не был бы обременен ни потребностью в вынесении постановления, ни, тем более, обязательностью его согласования с руководителем следственного органа или прокурором. Ведь на подготовку предусмотренного ч. 2 ст. 115.2 УПК РФ постановления, предполагающего непременно указание ряда подлежащих предварительному установлению сведений, в том числе точную сумму «подозрительных» финансовых актов, требуется затратить некоторое количество «драгоценного» времени. Еще более длительным является процесс согласования такого постановления с руководителем следственного органа и, в особенности, с прокурором — указанные лица могут быть заняты решением других, не менее важных вопросов, отсутствовать на рабочем месте и т.п. А между тем эффективность данной меры напрямую зависит от срочности и безотлагательности направления соответствующего распоряжения. В современных условиях, предполагающих высокий уровень развития информационно-телекоммуникационных технологий, круглосуточный доступ к банковским счетам, вкладам, депозитам, виртуальным кошелькам, абонентским аккаунтам (личным кабинетам) пользователей услугами связи, разветвленную сеть банкоматов и т.д., любое, буквально минутное промедление с требованием о приостановлении операций с денежными средствами может привести к «непоправимым» последствиям, превратив дальнейшую реализацию задуманного в полную бессмысленность!

5. Выводы

Таким образом, введенный в систему уголовно-процессуального регулирования новый правоограничительный механизм — приостановление операций с денежными средствами — заслуживает достаточно неоднозначных и противоречивых оценок. С одной стороны, его появление надлежит признать совершенно разумной и своевременной реакцией законодателя на насущные потребности уголовной юстиции, в первую очередь правоприменительной практики органов дознания и предварительного следствия. В современных условиях, требующих поиска принципиально новых путей противостояния «инновационным» формам криминального поведения, подобный право творческий шаг видится достаточно рискованной, в чем-то даже

предрасположенной к внесудебному ограничению прав и попиранию интересов законопослушных граждан и организаций, но неизбежной мерой, способствующей выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, и, самое главное, возмещению причиняемого ущерба, т.е. решению важнейших, стоящих на контроле у Президента РФ¹² задач в сфере обеспечения национальной безопасности.

Вместе с тем, с другой стороны, следует констатировать неудачность, в том числе непродуманность, сложность и замысловатость положений ст. 115.2 УПК РФ, т.е. явные недостатки нормативной регламентации приостановления операций с денежными средствами, затрудняющие понимание соответствующих законодательных посылов и мешающие продуктивному использованию предоставленных органам дознания и предварительного следствия процессуально-пресекаТЕЛЬных возможностей. Поэтому в дальнейшем, по всей вероятности, понадобятся дополнительные правотворческие шаги, направленные на устранение ряда допущенных разработчиками данных положений просчетов. Причем, в первую очередь, потребуются заметные упрощения порядка принятия решений о приостановлении операций с денежными средствами – освобождение следователей и дознавателей от обязанности вынесения подробных постановлений и бремени их согласования с руководителями следственных органов и прокурорами. Думается, что ввиду схожести данного правоограничительного механизма с задержанием подозреваемого процедуру принятия такого решения надлежит свести лишь к направлению в соответствующую организацию лаконичного требования о блокировке «подозрительных» финансовых активов с одновременным составлением протокола о приостановлении операций с денежными средствами.

Кстати, в этой связи возникают и более «крамольные» идеи, например, о целесообразности переименования такой меры принуждения в «задержание денежных средств» с переносом регламентирующих ее положений в гл. 12 УПК РФ, о наделении подобными полномочиями других должностных лиц правоохранительных органов и т.д. Всем этим вопросам планируется уделить должное внимание в последующих публикациях автора.

¹² См., например: Выступление Президента РФ В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 2 апреля 2025 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770>. (дата обращения: 08.11.25).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Афанасьев А.Б., Афанасьева С.И. Приостановление и блокирование операций по банковским счетам в свете законодательной инициативы // Пермский юридический альманах. 2025. № 8. С. 303–312.

Габов А.В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 55–65.

Григорьев В.Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестник СПбГУ. Право. 2018. Т. 9. Вып. 1. С. 42–51.

Ендольцева А.А. К вопросу о применении иной меры процессуального принуждения, предусмотренной статьей 115.2 УПК РФ // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2025. С. 93–95.

Малагамедова А.Р. Приостановление финансовых операций как новая мера процессуального принуждения: к вопросу о пределах и гарантиях ст. 115.2 УПК РФ // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2025. С. 171–174.

Победкин А.В. Уголовно-процессуальный кодекс: форма живого права или «бездушная» инструкция // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3. С. 101–111.

Росинский С.Б. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения // Российский следователь. 2017. № 3. С. 16–20.

Росинский С.Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42–47.

Росинский С.Б. Цели и основания задержания подозреваемого: в чем причины существующих противоречий? // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3 (32). С. 9–16.

Росинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма VS правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 1. С. 116–135.

Тутынин И.Б. Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера. 2-е изд., доп. и испр. М.: Юрлитинформ, 2022.

Химичева О.В. Наложение ареста на имущество: баланс частных и публичных интересов // Академическая мысль. 2019. № 4 (9). С. 62–65.

REFERENCES

Afanasyev, A.B. and Afanasyeva, S.I. (2025). Priostanovlenie i blokirovanie operacij po bankovskim schetam v svete zakonodatel'noj iniciativy [Suspension and Blocking of Transactions on Bank Accounts in Light of a Legislative Initiative]. *Permskij juridicheskij al'manakh* [Perm Legal Almanac], 8, pp. 303–312 (in Russ).

Gabov, A.V. (2021). Cifrovoy rubl' central'nogo banka kak ob'ekt grazhdanskikh prav [The Digital Ruble of the Central Bank as an Object of Civil Rights]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 16 (4), pp. 55–65 (in Russ).

Grigoriev, V.N. (2018). Uголовно-processual'naya forma ili administrativnyj reglament: sovremennye trendy [Criminal Procedure Form or Administrative Regulations: Modern Trends]. *Vestnik SPBGU. Pravo* [Bulletin of St. Petersburg State University. Law], 9(1), pp. 42–51 (in Russ).

Endoltseva, A.A. (2025). K voprosu o primenenii inoj mery processual'nogo prinuzhdeniya, predusmotrennoj stat'ej 115.2 UPK RF [On the Issue of Applying Another Measure of Procedural Coercion Provided for by Article 115.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. In: *Sovremennoe uголовно-processual'noe pravo – uroki istorii i problemy dal'nejshogo reformirovaniya: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskaya konferencii* [Modern Criminal Procedure Law – Lessons from History and Problems of Further Reform: Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference]. Orel: Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, pp. 93–95 (in Russ).

Malamagamedova, A.R. (2025). Priostanovlenie finansovykh operacij kak novaya mera processual'nogo prinuzhdeniya: k voprosu o predelakh i garantiyakh st. 115.2 UPK RF [Suspension of Financial Transactions as a New Measure of Procedural Coercion: On the Issue of the Limits and Guarantees of Article 115.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. In: *Sovremennoe uголовно-processual'noe pravo – uroki istorii i problemy dal'nejshogo reformirovaniya: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskaya konferencii* [Modern Criminal Procedure Law – Lessons from History and Problems of Further Reform: Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference]. Orel: Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, pp. 171–174 (in Russ).

Pobedkin, A.V. (2017). Uголовно-processual'nyj kodeks: forma zhivogo prava ili «bezдушnaYA» instrukciya [The Criminal Procedure Code: A Form of Living Law or a “Soulless” Instruction]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal* [The Criminologist's Library. Scientific Journal], 3, pp. 101–111 (in Russ).

Rossinskiy, S.B. (2017). Zaderzhanie podozrevaemogo kak mera uголовно-processual'nogo prinuzhdeniya [Detention of a Suspect as a Measure of Criminal Procedural Coercion]. *Rossijskij sledovatel'* [The Russian Investigator], 3, pp. 16–20 (in Russ).

Rossinskiy, S.B. (2021). UPK Rossijskoj Federacii: voploshchenie «vysokogo» prednaznacheniya uголовно-processual'noj formy ili «pamyatka» dlya bezgramotnykh pravoprimenitelej? [The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: The Embodiment of the “Lofty” Purpose of the Criminal Procedural Form or a “Memo”

for Illiterate Law Enforcers?]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 6, pp. 42–47 (in Russ).

Rossinskiy, S.B. (2023). Celi i osnovaniya zaderzhaniya podozrevaemogo: v chem prichiny sushchestvuyushchikh protivorechij? [The Purposes and Grounds for Detaining a Suspect: What Are the Causes of the Existing Contradictions?]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 3 (32), pp. 9–16 (in Russ).

Rossinskiy, S.B. (2023). Ugolovno-processual'naya forma VS pravila ugolovno-processual'nogo deloproizvodstva [Criminal-Procedural Form VS Rules of Criminal-Procedural Proceedings]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 18 (1), pp. 116–135 (in Russ).

Tutyinin, I.B. (2022). *Teoreticheskie osnovy ugolovno-processual'nogo prinuzhdeniya imushchestvennogo kharaktera* [Theoretical Foundations of Criminal-Procedural Coercion of a Property Nature]. 2nd ed., suppl. and corrected. Moscow: Yurлитinform. (in Russ).

Khimicheva, O.V. (2019). Nalozhenie aresta na imushchestvo: balans chastnykh i publicnykh interesov [Seizure of Property: the Balance of Private and Public Interests]. *Akademicheskaya mysl'* [Akademisches Denken], 4 (9), pp. 62–65 (in Russ).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович – главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор.

AUTHOR'S INFO

Sergey B. Rossinskiy – chief researcher of the criminal law, criminal procedure and criminology sector of the Institute of state and law of the Russian academy of sciences, doctor of legal sciences, professor.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Россинский С.Б. Приостановление операций с денежными средствами как мера уголовно-процессуального принуждения // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2026. Т. 21. № 1. С. 61–79. DOI: 10.35427/2073-4522-2026-21-1-rossinskiy

FOR CITATION:

Rossinskiy, S.B. (2026). Suspension of Banking Operations as a Measure of Criminal Procedural Coercion. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 21 (1), pp. 61–79. DOI: 10.35427/2073-4522-2026-21-1-rossinskiy